

Баобао, пролив потоки слёз, выплеснула накопившиеся негативные эмоции. Казалось бы, это должно было принести облегчение, но юный господин Чжоу обладал сильным чувством собственного достоинства. В момент эмоционального срыва он не держал себя в руках, но вспомнив об этом впоследствии, почувствовал сильную неловкость.

Е Тао вернулся в гостиную с лакомствами для Баобао и как раз увидел, как тот прикрывает мордочку лапками, полный раскаяния и стыда.

Е Тао аккуратно отодвинул одну из лапок и с заботой спросил:

— Что случилось? Глаза болят?

Баобао вернул лапку на место и в ответ прозвучало глухое «мяу».

Е Тао понаблюдал за ним некоторое время и, словно что-то поняв, не стал уточнять. Он лишь сказал:

— Если не хочешь есть, давай прогуляемся, сменим обстановку.

Раньше Баобао думал, что Е Тао позволил ему жить в своей комнате и заботился о нём, как о ребёнке, просто из-за любви к кошкам. Однако сегодня после откровенного разговора он осознал, что Е Тао — человек с холодной внешностью, но не с каменным сердцем. Он рационален, но не меркантилен, и огромное состояние не поглотило его алчностью.

Как он сам говорил, если бы он решил извлечь выгоду и заподозрил бы, что Баобао, хоть и не может говорить, всё же способен раскрыть его истинную личность, как Чжоу Юньси, то он мог бы легко устранить свидетеля, чтобы избежать проблем в будущем. Но он этого не сделал. Более того, он оставил Баобао рядом, несмотря на его внутренние противоречия, и заботился о нём, как о ребёнке. Его терпение и снисходительность, возможно, были вызваны чувством вины за то, что он занял его место, но, с другой стороны, Е Тао не был виноват в сложившейся ситуации. Они были просто двумя незнакомцами, которого случайная беда насильно связала друг с другом.

Баобао был не Е Тао, поэтому не мог понять, что такое отношение объяснялось не только природой и совестью, которые не позволяли тому равнодушно относиться к жизни, принадлежавшей человеку, но и личными мотивами, непонятными окружающим.

Е Тао унаследовал тело и жизнь Чжоу Юньси. Это было навязано ему свыше, у него не было выбора, и от этого было трудно избавиться. Но он не хотел жить, как Чжоу Юньси. Даже находясь в чужом теле, он не мог превратить свою оставшуюся жизнь в бесконечную постановку, где ему пришлось бы вечно играть другого человека.

Ли Минцзюэ как-то сказал, что Е Тао — самый бережный к себе человек из всех, кого он знал, и у него хватает мудрости, чтобы убеждать себя быть спокойнее и не позволять ненужному упрямству сковывать себя. Сам Е Тао не считал себя столь мудрым и открытым; он был обычным человеком со своими принципами и упрямством. Просто теперь он стремился не к сохранению статуса Е Тао, а к той простой и спокойной жизни, которой он обладал раньше.

Он был самостоятельной личностью и не мог во всём подчиняться чужой воле. Он не мог лишиться даже права выйти прогуляться. Но изменить отношение окружающих и свой образ жизни было делом не одного дня. Он понимал, что это будет долгий процесс, и боялся, что на этом пути может растеряться и начать сомневаться в себе. Поэтому он держал настоящего Чжоу Юньси рядом: даже в моменты пробуждения, когда разум ещё не совсем ясен, он не

будет путаться и не усомнится в том, что тот нелепый несчастный случай и жизнь до него были не просто сном.

Конечно, его слова Баобао «Что случилось, то случилось, нам остаётся только принять это» не были ложью. Просто Баобао был ещё слишком мал, и его способность понимать была не взрослой, а некоторые вещи, сказанные слишком глубоко, могли лишь запутать его. Если понадобится, он постепенно объяснит ему, что принятие не означает пассивности и покорности судьбе. Если есть возможность и силы, нужно что-то делать, и все действия должны быть направлены на то, чтобы жить свободнее и комфортнее.

Чжоу Цзыцянь и Ло Дун, поиграв в мяч, вернулись около пяти часов вечера. Е Тао тоже пришёл недавно: он водил Баобао погулять, и маленькое создание, побегав и попрыгав, заметно повеселело.

В тот день ужин снова был совместным с Ло Дуном. Атмосфера за столом была лёгкой и непринуждённой, все трое выпили немного, но не до опьянения — лишь расслабили натянутые за рабочие будни нервы. После ужина, продолжая приятную беседу, они отправились в чайную.

Е Тао не впервые посещал этот ипподром, но о наличии здесь чайной никогда не слышал. Впрочем, подумав, он вспомнил, что в прошлый раз был здесь год назад, так что появление новой комнаты не было чем-то удивительным.

Станным было то, что чайная располагалась в подвале, куда не проникал солнечный свет. Когда лифтёр нажал кнопку этажа, Е Тао, не получивший разрешения идти вместе с Чжоу Цзыцянем, бросил вопросительный взгляд на Ло Дуна. Тот лишь лукаво подмигнул ему. Е Тао понял: они отправились развлекаться, поэтому его, «малыша», с собой не взяли.

Чжоу Цзыцянь вернулся ближе к полуночи. Во время ужина и последующих развлечений он выпил ещё немного, и хотя разум сохранял ясность, реакции были замедленнее обычного. Входя в дверь, он споткнулся о коврик и громко шумнул.

Шум разбудил Е Тао в спальне. Нащупав пульт на тумбочке, он включил свет и, щурясь, сел на кровати. В этот момент в комнату вошёл Чжоу Цзыцянь.

От алкоголя его бросало в жар, две верхние пуговицы рубашки были расстегнуты, лицо и шея слегка покраснели. Е Тао учуял запах алкоголя и, увидев его влюблённое состояние, встал, чтобы подать ему воды.

Чжоу Цзыцянь сделал несколько глотков, затем, словно что-то вспомнив, сунул руку в карман брюк и достал нефритовую табличку, которую протянул Е Тао:

— Только что получил одну вещицу. Посмотри, нравится?

Из-за среды, в которой рос Чжоу Юньси, его характер и темперамент отличались от обычных детей, а некоторые увлечения совершенно не подходили его возрасту. Он любил коллекционировать чётки и нефрит, и дома уже скопилось немало экспонатов. Хотя его познания в антиквариат были в основном книжными и взгляд весьма дилетантским, дядя его баловал. Он знал, что коллекционирование племянника похоже на сбор детьми комиксов, но всё, что попадало к нему в руки, было действительно ценным. Поэтому, даже выбирая вещи наугад, в итоге он получал отличные экземпляры.

Эту нефритовую табличку Чжоу Цзыцянь получил от антиквара, с которым был в приятельских

отношениях. Тот сам недавно приобрёл её и не собирался продавать, но Чжоу Цзыцянь случайно увидел вещь и подумал, что племяннику она может понравиться. Он попросил уступить её её, хотя антиквару было жаль с ней расставаться.

— Нравится? — спросил Чжоу Цзыцянь, видя, как Е Тао вертит в руках табличку, внимательно разглядывая.

На самом деле это было недоразумение. Е Тао не интересовал такими вещами. Если бы он не увидел коллекцию Чжоу Юньси и, чтобы не выдать себя, лихорадочно не штудировал соответствующую литературу, он бы не отличил мягкий нефрит от твёрдого. Он смотрел так пристально, потому что пытался разобраться, что именно изображено на этом старинном предмете, судя по цвету и патине.

— Нравится, — ответил Е Тао, изображая интерес, и продолжал вертеть табличку в руках.

Чжоу Цзыцянь подался вперёд, тоже глядя на нефрит. Е Тао испугался, что он спросит: «Что здесь вырезано и в чём смысл?», — поэтому быстро повесил табличку себе на шею и спрятал под пиджаму, надеясь закрыть эту тему.

Чжоу Цзыцянь улыбнулся:

— Так сильно нравится?

Е Тао кивнул.

Чжоу Цзыцянь повернул голову к нему:

— А как же благодарность?

Е Тао сохранял спокойствие, хотя уголок рта предательски дёрнулся. Он подумал, что привычки общения этого дяди с племянником ставят его, «наследника», в крайне неловкое положение. Потом подумал, что если бы он сразу сказал, что не любит эту табличку с неведомой фигнёй, всего этого можно было бы избежать. Затем с бесстрастным лицом он подвинулся к Чжоу Цзыцяню.

Неизвестно, двигался ли Е Тао слишком медленно, но Чжоу Цзыцяню, видимо, надоело ждать. В тот момент, когда Е Тао приблизился, он вдруг пошевелился, и бледные губы коснулись красивых губ мужчины. Е Тао тут же отстранился. Он даже не успел почувствовать неловкость, его охватило лишь легкое оцепенение от внезапно случившегося мелкого происшествия.

Мой писательский талант ограничен, и я не уверена, смогли ли «малышки» полностью понять тот отрывок, где описывалось настроение Е Тао и его отношение к будущей жизни. Также позволю себе робко спросить: вас не раздражает, что из-за постоянных описаний внутренних переживаний страдает развитие сюжета? Прошу прощения, я всегда совершаю эту ошибку. Каждый раз, заканчивая главу и понимая, что сюжет почти не продвинулся, мне хочется отрубить себе лапы. Но, с другой стороны, сюжет у меня и так не особо, я скорее пишу об отношениях... А ещё чувства развиваются чертовски медленно. Ладно, лучше я перестану оправдываться и пойду отрубить себе лапы. Пока-пока.